

П. Аршинов

**Два побега : из воспоминаний
анархиста, 1906-9 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Аршинов**
Два побега : из воспоминаний анархиста, 1906-9 гг. / П. Аршинов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 78 с.

ISBN 978-5-518-02400-7

ISBN 978-5-518-02400-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ДВА ПОБЕГА

(Из воспоминаний анархиста 1906 — 09 гг.)

Годы 1905 — 06 были временем, когда все почти анархисты отдали большую дань боевизму — тем или иным террористическим актам. Почти не было анархиста, который по вступлении в ряды движения не делался на все сто процентов боевиком, готовым в любую минуту идти на тот или иной акт. Революционная обстановка, чудовищные репрессии правительства создали атмосферу всеобщего боевизма, в которой рождались и росли бесчисленные и в то же время беспощадные мстители народа. Анархические группы были в каждом городе, на каждом большом заводе. Перед ними вырисовывались задачи большого общероссийского значения, — раз'яснить широким народным массам затеваемый над ними великий обман буржуазии, познакомить с идеей и тактикой анархизма, создать сплоченное анархическое ядро, которое в ближайшую новую революционную волну смогло бы стать авангардом революции, способным увлечь массы, повести по анархическому пути.

Но такая работа была трудна, медленна. Она была связана с задачами более отдаленными и потому не дала исхода революционной энергии, которая кипела в каждом революционном работнике. Обезумевшая реакция давила рабочих непосредственно, сейчас. Карательные отряды и военно-полевые суды производили экзекуции над рабочими сейчас, в данный момент. И естественно, революционные рабочие отвечали на них немедленно, в данный же момент.

С середины лета 1906 г. я работал на листопрокатном заводе Шодуара в рабочем предместье Амура, близ

Екатеринослава. С первых же дней я сошелся там с группой прекрасных товарищей по станку и по идее. Вопросы, вокруг которых вечно вращались наши разговоры во время работы или во время перерыва, касались только революционной борьбы. Самодержавие подвергалось нами, конечно, беспощадному разрушению. Но в те годы у нас это считалось уже азбучным, устарелым, недостаточным. Одновременно с этим мы были наполнены страстным желанием борьбы с капиталистической буржуазией и победы над ней. Алчная и нахальная, повседневно угнетающая и эксплуатирующая рабочий люд, буржуазия, по марксистской науке, в тот момент должна была быть почему-то неприкосновенной, находилась под защитой социалистических партий. С этим мы никоим образом не могли мириться и против этого всем своим существом протестовали. Призывы, которые ограничивали революционную борьбу только свержением самодержавия, подвергались нами критике и бесжалостному осмеянию. В этом отношении мы имели частые схватки с социал - демократами, которых на заводе было достаточно много. Среди последних были известные тогда братья Желтенькие, Фиркович и др. Хотя и рабочие, социал - демократы слепо стояли на платформе буржуазной революции, выработанной в высоких комитетских кругах. Немногие из них, при наших выступлениях, решались усомниться в непогрешимости социал-демократического канона и соглашались с нами. Подавляющее же большинство их являлось вымуштрованными партийцами, слепо повторявшими указы своих лидеров из интеллигенции о том, что сначала надо добиться политической свободы, создать республику, а затем уже стремиться к свободе экономической. Этот перезрелый лозунг политической интеллигенции отдавал особым лицемерием в те годы, когда многие из русских рабочих уже знали, что в странах буржуазных республик рабочий класс и экономически и политически подавлен не менее, чем в самодержавной России.

Социалисты - революционеры (рабочие), которых на заводе также было не мало, психологически стояли ближе к нам — анархистам. Они очень сочувственно

встречали нашу критику буржуазной революции, считали себя партией революции и не редко, чтобы не оскандалиться перед анархистами, заявляли, что при новом революционном взрыве они также будут идти к социальной революции, звать к экспроприации и помещиков и капиталистов. И должно сказать, что в их устах это не было фразой. По своему революционному чутью, а также под влиянием анархизма, который к тому времени успел уже заявить о себе и ознакомить широкие массы с своей идеологией, многие из них мыслили революцию, как социальный переворот. Вообще, партия социалистов - революционеров была крайне неоднородна. Политический боевизм этой партии (антиправительственный террор) создал ей ореол крайней революционности и привлек в ее ряды группы рабочих, действительно революционных. Конечно, знай эти рабочие о существовании подлинной партии социальной революции, каковой является анархизм, они не задумываясь, вошли бы в эту партию и были бы там более на своем месте, нежели в партии социалистов - революционеров. Но судьбе угодно было поставить не мало таких рабочих в ряды партии социалистов - революционеров, по существу являвшейся типичной партией буржуазной революции.

Когда мы в дискуссиях говорили рабочим эсерам, что социальная революция и их партия несовместимы, что эта партия имеет законченную разработанную программу, в которой русская революция определяется, как революция буржуазная, и что с идеей социальной революции партия эсеров сейчас борется, называя анархистов утопистами, то в ответ на эти доводы рабочие эсеры нам говорили, что программа — вздор, что все дело в массах, а партийная рабочая масса в большинстве своем понимает революцию, как социальную, и во время революции эта масса будет творить социальный переворот и заставит принять в нем участие все партийное руководство во главе с ЦК партии.

Подобными настроениями жили многие рабочие в партии эсеров. В те годы они были характерны для этой партии. Недаром в начале революции целые эсеровские

организации из рабочих об'являли себя анархическими, лишь только познакомились с идеологией анархизма и его тактикой (Екатеринослав). И не даром из этой партии выделился союз максималистов, ставший на платформу социальной революции в России.

Из числа таких рабочих эсеров был и Василий Бабешко. До этого он прошел уже богатую революционную школу: участвовал в ряде забастовок, в том числе и в знаменитой забастовке в 1903 году, был активным деятелем в декабрьском вооруженном восстании рабочих в г. Александровске, откуда после подавления восстания бежал, скрывался долгое время и лишь недавно устроился на заводе Шодуара. Там я и встретился с ним впервые. Оба мы работали в одном и том же механическом цехе, ежедневно встречались и, хотя находились в разных политических партиях, быстро сближались. Бабешко был много старше меня, — ему было 28 лет, а мне — только 19, — разница в таком возрасте значительная. Я искренно удивлялся тому, что он такой революционный и так антибуржуазно настроенный, продолжает оставаться в рядах партии эсеров, а не переходит к анархистам. Он возражал, говоря, что я плохо понимаю эсеровскую идею, ссылаясь на Лаврова, приводил в доказательство его знаменитую брошюру «Кому принадлежит будущее», и утверждал, что между анархизмом и эсеровщиной разница небольшая. Мы спорили. Он более продолжительное, нежели я, время находился в революционном движении (с 1894 года), имел больше опыта, но на моей стороне находилась сила новой великой пролетарской идеи, которая ярко освещала настоящее и будущее поработанного труда и бесжалостно жгла ложь и лицемерие буржуазии и ее пособников из социалистического лагеря. От на редкость честного и вдумчивого Бабешки не могла ускользнуть правдивость и мощь этой идеи. Он стал признавать анархизм по всем пунктам, но с эсерами еще не порывал. Мне тогда подвернулся очень удачный аргумент. Я указал ему, что партия эсеров в своей практике совсем не имеет актов экономического и антибуржуазного террора, а это следует рассматривать, как решающее доказательство того, что

она является партией буржуазной революции, в противном случае она непременно ввела бы в свою тактику и антибуржуазный и экономический террор. Но Бабешко не нуждался в доказательствах более. Он давно уже сталкивался с узко буржуазной, хотя и революционной тактикой партии. Анархизм раскрывал перед ним горизонты новой борьбы, и он с каждым днем уходил от эсерства все далее и далее. В конце 1906 года он был уже законченным анархистом - коммунистом.

1906 год был временем свирепой расправы царского самодержавия с революционным рабочим классом. Одураченные в октябре 1905 года царским манифестом, рабочие сложили свое оружие, прекратив всероссийскую железно-дорожную забастовку без каких бы то ни было реальных гарантий. Психологически разоруженные, а потому и разрозненные, они в декабре месяце того же года, при попытке вооруженных восстаний, были легко разбиты оправившимся самодержавием. Последнее успело стянуть верные войска в наиболее опасные районы и охватить мертвой петлей бунтующий рабочий класс. Военно-полевые суды работали во всю. В нашем Екатеринославе они особенно усердствовали. Не было дня, чтобы по их приговору не казнили группу рабочих в три, пять или десять человек. Казнили преимущественно анархистов. И надо отдать последним должное, — они не оставались у правительства в долгу. Не было также дня, чтобы от их руки не падал тот или иной агент правительства. В Кайдаках, на Чечеловке и особенно у нас на Амуре полиция была буквально разгромлена оружием анархистов. На Амуре полиция менялась неоднократно, но всякий раз, когда на место убитых околоточных и городских из Екатеринослава присылали новых — последние на второй или третий день оказывались уже убитыми. Был момент, когда полицейские отказывались идти служить на Амур. Июль, август и сентябрь месяцы революционный Амур жил совсем без властей. На полотне железной дороги близ Днепра каждый вечер собирались рабочие массовки, где свободно лилось революционное слово анархистов и других партий. Это был поистине редкостный период безвластия, период

полной свободы, о котором многие и многие амурские рабочие не без волнения вспоминают и по сей день.

Но в сентябре - октябре на Амур было поведено усиленное наступление властей. Был поставлен отряд стражников в 100 человек и введен сильный наряд полиции. Губернские власти отдали приказ — «вывести анархистов на Амур». Начались сплошные облавы, аресты и убийства среди дня мало-мальски подозрительных рабочих. Многие анархисты были схвачены или убиты при отстреле. В это время был убит замечательный наш товарищ — Фишель Штейнберг (Самуил), 13-ти летний белостоцкий рабочий, который за несколько дней перед этим выступал на рабочих массовках, гипнотизируя массу своей искренней и необыкновенно проникновенной речью. А еще раньше этого был убит (застрелился при облаве) Павел Гольман, на похороны которого собрался весь рабочий Екатеринбург.

Карательной экспедицией руководил помощник пристава Яков Кривоноженко. До 1900 года он учился в Екатеринбургской семинарии, но за пьянство был исключен и несколько лет после этого находился в среде амурских босяков. В годы революции поступил на службу в полицию, быстро выдвинулся пониманием дела, а, главное, — своим преследованием революционных рабочих. Ему-то и был дан амурский район для «наведения порядка». Имея в своем распоряжении сотню стражников и многочисленную полицию, он дни и ночи занимался арестами или убийствами рабочих и, действитель-но, в полтора-два месяца достиг больших результатов. Десятки рабочих им были убиты на местах, а еще более отдано в распоряжение военно-полевых палачей. Сам он, вечно окруженный сворой полицейских и стражников, одетый в панцырь, оставался недосягаемым для анархистских пуль. Он прекрасно сознавал, что анархисты его ловят и потому взял себе за правило расстреливать на расстоянии, даже без предупреждения, каждого, кто ему покажется подозрительным. Раза два на него производили покушения, но оба раза покушавшиеся были убиты.

В конце концов Кривоноженко сделался полным хо-

зяном Амура. Ему стало уже мало охоты на рабочих. Каждодневно он со своей сворой появлялся на базаре, грабил, сколько ему хотелось, деревенских торговков, навел нагайками порядок и непременно тащил кого-либо с базара в участок, где обыкновенно побоями отнимал жизнь у приводимых. Подобное же царство полицейского террора установилось в самом Екатеринославе и во всех его окрестностях.

Все это нами остро переживалось. Я, Бабешко и еще несколько товарищей неоднократно обсуждали вопрос, как быть? В первую очередь, хотелось нанести удар новоявленному диктатору, — Кривоноженко, так, чтобы после другим не было повадно идти по его стопам.

Еще раньше нами был намечен ряд необходимых террористических актов, в числе коих стояло «снятие» начальника главных железно - дорожных мастерских г. Александровска Василенко. Это то лицо, которое в дни декабрьского вооруженного восстания в Александровске, помогало властям подавлять восстание. После, на его показаниях была построена существенная часть обвинительного акта. Десятки Александровских рабочих, были тогда либо казнены, либо сосланы в каторжные работы. Как ненавистник и угнетатель рабочих, Василенко проявил себя еще до революции, был дважды вывезен рабочими на тачке и избит. Бабешко лично на себе испытал гнусные отношения этого человека к рабочим и после его роли в подавлении восстания решил отлить ему рабочие слезы. Он поджидал лишь удобного для этого случая. В Екатеринославской группе а.-к. также давно стоял вопрос о снятии Василенко. Но пока от этого акта, так же, как и от многих других, намечавшихся ранее, приходилось отказаться. В первую очередь необходимо было расправиться с Кривоноженко, который у нас на глазах душил всех революционных рабочих.

В организации покушения на Кривоноженко приняли участие трое — я, Бабешко и Николай — токарь с завода Шодуара. После к этому делу была привлечена еще 18-ти летняя работница анархистка — Феня из Екатеринослава. Косвенную, но значительную помощь оказал нам при этом мастер нашего механического цеха

Василий Густавович Бек. Инженер-механик по профессии, Бек был известен в группе екатеринославских заводов, как прекрасный специалист, как инженер с золотыми руками, могущий справиться с большим и сложным делом. Его высоко ценили как инженера, многие заводы желали иметь его у себя. Но постепенно выяснялось, что Бек имеет слишком тесные и хорошие отношения с рабочими, даже конспирирует с ними, и это обстоятельство побуждало администрацию каждого завода настороживаться в отношении его, держать его на втором месте, а иногда и вовсе расчитывать.

И в самом деле, Бек был не только инженером, вступившим в хорошие отношения с рабочими, он был еще политическим борцом, при том довольно левым, участником партии «Народная Воля». После разгрома этой партии он до последних дней сохранял верность ее заветам. Новые партии его не удовлетворяли. Социалистов - революционеров он находил односторонне политическими, порвавшими с социальными идеалами и социальными лозунгами «Народной Воли»; большевиков он считал находившимися в переходном состоянии; они, по его мнению, должны были либо слиться с меньшевиками либо склониться к социальной революции. Он был сторонником последней, и помню, отъезжавшего на партийный съезд делегата - большевика он инструктировал в смысле необходимости признания съездом актов политического и экономического террора, которые, по его, должны были явиться ответом на правительственную реакцию. Ко многим идеям анархизма Бек относился с глубокой симпатией, но организационное неустройство самих анархистов вызывало в нем пессимизм относительно успеха нашего движения в большом масштабе. Когда я говорил ему, что мы только выступаем на арену социально-политической борьбы и что через год-два непременно сорганизуем свои силы, он воодушевлялся и искренно желал нам успеха в этом. Революционную борьбу рабочих он всячески поддерживал и всякому акту против правительства искренно был рад

Нашу анархическую группу на заводе он хорошо

знал и всегда одобрительно кивал, когда замечал нас конспирирующими у станков. Знал он, что у нас стоит на очереди «снятие» Кривоноженко, обсуждал разные способы этого дела. И когда выяснилось, что нам нужны бомбы, для которых необходимо выточить специальные оболочки, он выписал из магазина завода необходимые медные трубы, распорядился так, чтобы в эту ночь в механическом цехе не было никого, кроме нашего токаря Николая. Николай выточил две медные оболочки с прочными нарезными крышками, имевшие необходимые отверстия для бикфордова шнура. Будучи начинены динамитом, они вместе весили 33 фунта.

План нашего покушения состоял в следующем: против дома Кривоноженко сымается квартира приехавшими из Екатеринослава, якобы, мужем и женой. В квартиру вносится некоторая мебель, посуда, книги. Это для видимости. Главное же, в квартире устанавливаются две мощной силы бомбы. Внешне эти бомбы относятся к типу «зажигательных»: из отверстия их крышек выходит бикфордов шнур. Это значит, что для взрыва их необходимо сначала зажечь шнур, который, догорев до центра, зажигает динамитный капсюль и дает взрыв. Без предварительного зажигания шнура бомбы безопасны, их смело можно переносить с места на место. На самом же деле, бомбы наши были «химическими»: при малейшем наклоне их, они немедленно взрывались. Тип «зажигательных» им был придан для того только, чтобы обмануть бдительность полиции и легче ее накрыть. К этой квартире и бомбам мы привлекаем полицию предварительным взрывом, который раздается из этой же квартиры, но не должен быть столь сильным, чтобы опрокинуть основные бомбы. Мы имели полную уверенность в том, что как только раздастся предварительный взрыв, полиция во главе с Кривоноженко немедленно нагрянет на квартиру, набросится на бомбы и от неосторожного обращения с ними будет вся взорвана.

Утром 21 декабря 1906 года Николай вместе с Феней сняли квартиру по Церковной улице прямо против дома Кривоноженко. Бомбы были начинены накануне, но не были поставлены на «бой». Это следовало сделать

лишь на месте, чтобы после того совсем к ним не касаться. Для этого в последнюю минуту пришел Бабешко. Он установил бомбы в надежном месте, в печку, вставил в них трубки с серной кислотой, наглухо завинтил их, а под выходной дверью положил динамитный патрон, который через час-полтора должен был взорваться от соединенного с ним тлеющего трута. Когда все было сделано, он ушел вместе с товарищами.

В 9 часов утра все мы встретились на заводе и стали напряженно ждать развития дела. Из-за дальности расстояния и шума на заводе предварительного взрыва нам не удалось слышать. Но во время обеденного перерыва мы узнали, что взрыв был около 10 - 10 1/2 часов и что полиция уже роется в доме. Это происходило в двух минутах хода от нашего дома. С минуты на минуту я ждал, что вот-вот последуют взрывы. Но время шло, а их не было. Нервы напрягались до крайности. — «Неужели, неужели неудача?» — сверлило в мозгу. Неужели динамит не годен или кислота плоха? При одной такой мысли охватывало бешенство. Около нашего дома и дома Кривоноженко собралась большая толпа любопытных, следившая за действиями полиции. Живая почта в лице детей вихрем носилась по улице и сообщала все новости: найдены две бомбы, ищут еще; ломают печь, пол. Я вновь с напряжением стал ждать взрывов. — Не может быть, чтобы бомбы не взорвались, раз они уже попали в руки. Но они все не взрывались. Наконец, сообщают, что полиция выстроилась и медленно пошла по направлению к своему помещению. Бомбы несут впереди, при чем каждую бомбу несут два стражника и в том положении, в каком нашли их на квартире. Благодаря этому шествие двигалось очень медленно. Мне нужно было спешить на завод и, проходя соседней улицей, я искоса бросил взгляд и увидел чинное шествие стражников с смертоносными сосудами в руках. Хитрые бестии проявляли чрезвычайную осторожность. Даже нам, знавшим весь секрет этих бомб, трудно было проявить большую осторожность. — Значит не попались на нашу удочку, не обманул их бикфордов шнур — думал я про себя. Должно быть учитывали опыт других полиций.